

А.Я. Лившин

**ОБРАЗ СОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
СЛУЖАЩИХ 1920-х – НАЧАЛА 1930-х гг.
В СВЕТЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТЕОРИИ**

A. Ya. Livshin

**THE IMAGE OF SOVIET OFFICIALS
IN THE 1920s – EARLY 1930s IN THE LIGHT
OF INSTITUTIONAL THEORY**

Аннотация. В статье делается попытка интерпретировать важный тип массовых источников — письма «во власть» — с позиций новой институциональной истории, исходящей из предположения, что перспективы развития зависят от качества институциональной системы. Некоторые концепты неoinституционализма — такие как асимметрия информации, склонность субъектов к оппортунистическому поведению, проблема принципала-агента, — применяются автором для анализа общественных настроений по отношению к советской бюрократии 1920-х — начала 1930-х гг. Асимметрия информации имела дуальный характер, каждый участник взаимодействия в системе «власть – народ» пытался ее использовать для продвижения своих интересов и реализации своих целей. В статье анализируются отраженные в письмах «во власть» паттерны поведения советского чиновничества и рядовых граждан, порожденные стремлением извлечь пользу из асимметрии информации. Оппортунизм субъектов социальных взаимодействий рассматривается в статье с разных сторон, в том числе в виде негативного отношения граждан к оппортунизму местных и низовых номенклатурных деятелей, саботирующих «правильную» в целом партийную политику. Проблема принципала-агента рассматривается в контексте эволюции советской политической системы. Государство, в силу специфики его политической организации, стремилось к всеохватывающей власти, к демонтажу социальных компромиссов. Особенно ярко это проявилось в процессе слома нэпа, который сам по себе являлся моделью, в основе функционирования которой лежали многочисленные компромиссы: между городом и деревней,

---

Лившин Александр Яковлевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории государственного и муниципального управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

Livshin Alexander Yakovlevich, Doctor in History, Professor, Department of History of State and Municipal Administration, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University

+7-495-930-73-31; livshin@spa.msu.ru

коммунистической партией и «специалистами», зажиточным крестьянством, нэпманами и другими группами населения. Ответом общества на слом системы компромиссов стало широкое распространение оппортунистического поведения — явное и скрытое отправление религиозных обрядов, сокрытие имущества и доходов от налогообложения, нарушение предписанных норм поведения, низкая трудовая дисциплина, прямое сопротивление насильственным действиям власти и т.д. Оппортунизм (как злонамеренный, так и незлонамеренный) в советской системе отношений господства и подчинения обнаруживался повсеместно, а граждане фиксировали в письмах его проявления.

Ключевые слова: общественные настроения, политические эмоции, институциональная история, асимметрия информации, письма «во власть», бюрократия, идентичность, саморепрезентация.

Abstract. The article attempts to interpret an important type of mass sources — letters “to the authorities” — from the standpoint of the new institutional history, based on the assumption that prospects for society’s development depend on the quality of the institutional system. Several concepts of neo-institutionalism, such as information asymmetry, the propensity of individual subjects for opportunistic behavior, the principal-agent problem, are used to analyze public attitudes toward the Soviet bureaucracy in the 1920s — early 1930s. The information asymmetry was dual, as each participant in the interaction within the “authorities–people” system tried to use it to promote their interests and achieve their goals. The article analyzes the patterns of behavior of the Soviet officials and of ordinary citizens on the basis of letters “to the authorities”. Those patterns were generated by the desire to benefit from the asymmetry of information. The opportunism of the subjects of social interactions is viewed from different angles, inter alia the negative attitude of citizens towards the opportunism of grassroots nomenclature figures who supposedly sabotaged the “proper” party policy in general. The principal-agent problem is considered in the context of the evolution of the Soviet political system. The state, due to the specifics of its political organization, strove for all-encompassing control and the dismantling of social compromises. This was most clearly manifested in the process of the curtailment of the NEP, which in itself was a model whose functioning was based on numerous compromises: between the city and the country, the Communist Party and the “specialists”, the wealthy peasants, NEPmen, and other population groups. Society responded to the breakdown of the system of compromises with high incidence of opportunistic behavior: overt and covert religious practices, hiding their property and income from taxation, violation of prescribed norms of behavior, low labor discipline, direct resistance to acts of violence by the authorities, etc. Opportunism (both malicious and non-malicious) in the Soviet system of relations of domination and subordination manifested itself everywhere, and citizens recorded its manifestations in letters.

Keywords: public sentiment, political emotions, institutional history, asymmetry of information, letters “to authorities”, bureaucracy, identity, self-representation.

За последние десятилетия междисциплинарный подход стал максимально широко применяться в исторических исследованиях. В первую очередь, это отразилось в интенсивном взаимопроникновении методологий и идей исторической, социологической и экономической наук. В 1987 г. известная ученая-социолог Теда Скочпол на симпозиуме Американской социологической ассоциации (ASA) призвала историков и социологов к «наведению мостов», при этом историки, по ее мнению, должны более активно «типологизировать, сравнивать и генерализировать»¹. Однако и социологи многому научились в последнее время у историков в рамках процесса «ре-историзации социологии», позаимствовав такие аналитические инструменты, как нарратив, событие и биография². В свою очередь, экономисты пытаются проследить, как исторически сложились определенные нормы, конвенции и институты, почему они обрели присущие им специфические формы³. Одной из базовых идей теории неинституционализма, в частности, является идея о зависимости от предшествующего пути развития (path dependency), во многом строящаяся на анализе специфики исторического опыта различных обществ. История при таком подходе выдвигается на позиции ведущего каузального фактора, особенно ввиду способности при ее помощи понять контекст, в рамках которого происходили те или иные события и изменения. По мнению Эллен Иммергут, «...исторические институционалисты рассматривают причинность как контекстуальный фактор... они склонны рассматривать сложные конфигурации факторов как случайные. Эти конфигурации становятся очевидными благодаря историко-сравнительным наблюдениям, и сломать такие модели может быть чрезвычайно сложно, а то и невозможно»⁴.

Необходимо отметить, что институциональный подход к анализу исторических явлений не является новым словом в научных исследованиях, поскольку он отталкивается, в том числе, от ряда историко-социологических идей Макса Вебера⁵. В 1960-е и 1970-е гг., опираясь на веберовский анализ роли и функций бюро-

¹ Савельева И.М. Попытка историзации исторической социологии // Клио в зазеркалье: исторический аргумент в гуманитарной и социальной теории. Коллективная монография. М., 2021. С. 344–345.

² Там же. С. 339.

³ Кирчик О.И. Экономика конвенций: как и для чего вернуть историю в экономический анализ // Клио в зазеркалье... С. 380–381.

⁴ Immergut E.M. The Theoretical Core of the New Institutionalism // Politics & Society. Vol. 26. N 1. March 1998. P. 19.

⁵ Ibid. P. 16–17.

кратии, историки начали рассматривать институты как относительно автономные субъекты исторического процесса. В частности, на основе веберовского подхода предполагалось, что история демонстрирует очевидное правило: государственные служащие попадают под определяющее воздействие института бюрократической рациональности, принимая и исполняя решения в соответствии с институциональными интересами административного аппарата. Мы увидим в дальнейшем, что это утверждение, как показывает анализ массовых источников исследуемого периода советской истории, верно лишь отчасти. Тем не менее, заложенное М. Вебером направление в исторических исследованиях получило заметное распространение в последующий период; развитие идей новой институциональной истории опирается на исходный тезис о решающей роли институтов в формировании социальных явлений и процессов. Институты формируют социальную ткань, общественную среду, в рамках которой реализуются групповые интересы. Как уже отмечалось, и это является принципиальным моментом, ученые-неоинституционалисты стремятся обогатить инструментарий и концептуальное наполнение исторической науки путем применения современных достижений экономической и социологической теории. В работах Дугласа Норта, Джеймса Марча, Уолтера Пауэлла, Пола Ди Маджио, Дарона Аджемоглу и Джеймса Робинсона и др. роль институтов в историческом процессе трактуется весьма широко, как действие устойчивых, социально и культурно обусловленных, наборов норм, правил и практик, формирующих уникальные траектории развития стран и народов. Важным в рамках этого подхода является анализ различных конфигураций отношений и взаимодействий в поле государство — политический класс — общество. По-новому в работах по новой институциональной истории был поставлен вопрос о причинно-следственных связях и характере обусловленности в историческом процессе. Ментальные конструкции, экономические и социальные институты, политика взаимодействуют весьма причудливо, направляя развитие обществ по разным траекториям; при этом бывает очень сложно определить, какие из этих элементов являются каузально первичными⁶.

В авангарде исследований исторической динамики с позиций неоинституционализма все же идут экономисты и экономические историки. В частности, в последние годы большую популярность приобрела концепция Дарона Аджемоглу (Асемоглу) и Джеймса

---

⁶ Ibid. P. 19.

А. Робинсона⁷. Как полагают указанные авторы, «...институты представляют собой решение общества, принятое с учетом их значения. Поскольку различные группы и индивиды, как правило, получают выигрыш от разных экономических институтов, обычно данный общественный выбор сопровождается конфликтом интересов, который, в конечном счете, разрешается в пользу групп, обладающих большей политической властью. В свою очередь, объем политической власти в обществе зависит от политических институтов и распределения ресурсов»⁸. Связанные с культурой социальные нормы имеют большое значение, с трудом меняются и часто поддерживают институциональные различия, однако не все аспекты культуры одинаково важны для прогресса. Качество институтов — гораздо важнее, а решение большинства проблем экономического развития зависит от решения базовых политических проблем.

Влияние культуры и ментальности на экономическое развитие и на динамику модернизационных процессов — сложная научная проблема, которой уделяли внимание многие ученые, в том числе, специалисты в области исторической социологии и институциональной экономики. Выдающийся советский и российский социолог Ю.А. Левада в эссе «Культурный контекст экономического действия», написанном еще в 1984 г., заметил, что «сейчас уже как будто не требует доказательств тезис о том, что критерии ориентации экономического действия (потребности) носят не природный, а социальный и культурный характер, и даже те их них, которые связаны с удовлетворением физиологических нужд организма, опосредованы культурными формами»⁹. И далее Ю.А. Левада высказал мысль, с которой могли бы согласиться многие историки-неоинституционалисты: «Экономическое действие нужно рассматривать в контексте интересов, запросов, стремлений соответствующих агентов действия»¹⁰.

Что же касается идей Аджемоглу и Робинсона, то они полагают, что теория об определяющем влиянии культуры на модернизационную динамику верна лишь частично. С одной стороны, связанные с культурой институциональные различия очевидны, однако, с другой стороны, фундаментальные культурные факторы, такие как язык, религия и этические принципы лишь в относительно не-

---

⁷ Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М., 2015; Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. Узкий коридор. М., 2021.

⁸ Асемоглу Д., Джонсон С., Робинсон Дж. Институты как фундаментальная причина долгосрочного экономического роста // ЭКОВЕСТ. 2006. № 5/1. С. 4.

⁹ Левада Ю.А. Культурный контекст экономического действия // Левада Ю.А. Время перемен: Предмет и позиция исследователя. М., 2016. С. 309.

¹⁰ Там же.

большой степени детерминируют траектории развития различных стран. В противовес абсолютизации культурных факторов Аджемоглу и Робинсон выдвинули идею об инклюзивных и экстрактивных экономических и политических институтах. И те, и другие могут обеспечить рост, но качество и продолжительность роста будут различными. Инклюзивные качества институциональной системы позволяют добиться того, что все общество выигрывает от устойчивой модернизационной динамики. В свою очередь, экстрактивный характер институтов приводит к тому, что плодами эксплуатации разного рода ресурсов пользуется меньшинство, а общество, в долгосрочной перспективе, обречено на снижение темпов роста и на стагнацию. Государства с исключительно одним или другим типом институтов встречаются редко, обычно существует некий микс, наличествуют «институциональные кластеры». Дело, таким образом, в соотношении и удельном весе «хороших» и «плохих» институтов, причем большинство стран мира, как показывает история, осознанно или неосознанно делает выбор в пользу преобладания «плохих» экстрактивных институтов¹¹.

Данная статья не ставит целью исследовать все аспекты большой и сложной проблемы отражения в общественном сознании образа советского чиновничества с позиций исчерпывающего применения всех (или даже большинства) идей неоинституциональной теории. Речь пойдет о том, что, как представляется автору, некоторые концепты неоинституционализма, такие как *асимметрия информации*, *склонность субъектов к оппортунистическому поведению*, *проблема принципала-агента*, *проблема институциональных ловушек и зависимости от пути развития (path dependency)*, могут быть вполне плодотворно использованы для анализа общественных настроений по отношению к советской бюрократии в 1920–1930-х гг. Этот подход позволяет изучать и интерпретировать массовые источники — письма во власть, дневники, заметки рабкоров и селькоров — с позиций новой институциональной истории, исходящей из того предположения, что перспективы развития зависят от качества институциональной системы (и здесь автор разделяет идеи Аджемоглу и Робинсона). В первую очередь, наш анализ будет опираться на «письма во власть» — массив специфических источников, в большом количестве отложившихся в архивных фондах органов власти, партийного и государственного руководства, личных фондах советских «вождей». Письма «во власть» служили коммуникативным инструментом в системе взаимоотношений между властью и обществом, демонстрируя одно из основных проявлений важнейшей для истории России пети-

---

¹¹ Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А. Почему одни страны... С. 92–97.

ционной традиции. Одновременно письма отражали картину мира и менталитет их авторов, являлись полем применения разнообразных дискурсивных стратегий, демонстрацией истинных и ложных идентичностей и саморепрезентаций.

Почему отражение в письмах образа советских чиновников в общественном сознании можно анализировать, применяя неинституциональный подход? Дело в том, что институционалистская традиция исходит из наличия устойчивых норм, правил и ценностей, формирующих отдельный институт и определяющих характер институциональной системы в целом. Эти нормы и правила могут носить как формальный, так и неформальный характер, совместно формируя и поддерживая социальный порядок. При этом нормативная среда функционирования низовой бюрократии в глазах граждан имела, главным образом, неформальный характер, а неформальная норма, в свою очередь, характеризовалась советским чиновничеством на местах как общественное благо. Поскольку население сталкивалось в повседневной жизни именно с низовыми когортами бюрократии, эти взаимодействия порождали основной объем настроений по поводу советской власти. Настроения, и особенно политические эмоции — подвижный и ситуативно изменчивый слой общественного сознания — лучше всего отражали неформальные аспекты институциональной системы власти и управления. Состояние общественного сознания является важным компонентом, определяющим качество институциональной системы. Политические эмоции в институциональной парадигме, в свою очередь, показывали общественную оценку этого качества. Обратимся теперь к двум из упомянутых ранее концептов неинституционализма: асимметрии информации и склонности субъектов к оппортунистическому поведению.

Асимметрия информации

Анализ высказывавшихся в письмах 1920-х — начала 1930-х годов общественных настроений сквозь призму концепта асимметрии информации приводит к любопытным выводам. В широком смысле асимметрия информации — это неравномерное распределение информации между различными участниками социальных взаимодействий: в экономике — между сторонами сделки, в государственном управлении — между властью и обществом, политическими элитами и рядовыми гражданами. Здесь необходимо отметить важное сопутствующее обстоятельство: советскую систему с самого начала отличало наличие проблемы «информационной слепоты» власти, поскольку источники получения руководителями сведений о положении «на местах» были ограничены, безальтернативны и зачастую

тенденциозны; такой важный источник информации, как свободная пресса, в Советской России и в СССР отсутствовал. Типичным примером информационных искажений являются «информсводки» ВЧК–ГПУ–НКВД о настроениях населения, далеко не всегда дававшие объективную картину. Сводки были пронизаны идеологическими подходами и установками, они отражали, в первую очередь, коллективную картину мира, присущую институту государственной безопасности той эпохи¹². А ведь именно сводки были основным источником, из которого советские «вожди» черпали сведения о положении в стране! В какой-то ограниченной степени проблему снижения уровня «информационной слепоты» решали письма «во власть», но в целом она продолжала оставаться фактором, осложнявшим принятие эффективных государственных решений. Но и население, в силу понятных причин, не обладало полной и достоверной информацией о положении дел в стране. Таким образом, асимметрия носила дуальный характер, работала в обе стороны. Каждый участник взаимодействия в системе «власть–народ» пытался это использовать для продвижения своих интересов и реализации своих целей.

В письмах «во власть» отражались следующие паттерны поведения советского чиновничества и рядовых граждан, порожденные стремлением извлечь пользу из асимметрии информации:

1. Стремление низовой бюрократии использовать в свою пользу запутанность правил, противоречия в законодательстве, незнание людьми закона. Например, в некоторых местностях в годы нэпа до 90% всех обязательных постановлений волисполкомов приходилось опротестовывать как противоречащие закону. Асимметрия информации порождала слухи, неуверенность, ощущение непредсказуемости действий власти. В частности, в 1924 г., в середине августа, крестьяне в некоторых местностях еще не знали размера продналога, ходили слухи, что он будет в три раза тяжелее прошлогоднего¹³. Очень наглядно асимметрия информация воздействовала на восприятие людьми правил и норм, касавшихся налогообложения. Многие крестьяне были уверены, что экономический смысл налогов состоял в изыскании властью ресурсов для содержания «дармоедов» — «интеллигенции», работников кооперативного аппарата («бесхозяйственников»), иных местных чиновников, «потерявших доверие народа»¹⁴.

2. Государственно-партийная система достаточно успешно манипулировала обществом, используя четкое дихотомическое разли-

---

¹² Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М., 2010. С. 27.

¹³ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 60. Д. 108. Л. 133–134.

¹⁴ Там же. Оп. 61. Д. 223. Л. 18–19.

чение в массовом сознании образов центральной и низовой власти¹⁵. Информационная асимметрия работала в пользу государства: в глазах граждан властная система распадалась на две малосвязанные друг с другом части: «хорошая» высшая власть, олицетворенная в фигурах верховного «вождя» и его соратников — «верных ленинцев», — противопоставлялась «плохой» низовой советской бюрократии, с которой население было вынуждено взаимодействовать в повседневной жизни. Идея «высшей царской справедливости» была глубоко укоренена в политической культуре и являлась следствием длительного исторического пути России, однако она поддерживалась в советскую эпоху сочетанием двух факторов: с одной стороны, закрытостью власти и слабой информированностью общества о реальных механизмах функционирования системы управления и ее организационного ядра — номенклатурного аппарата, а с другой — деятельностью набиравшей мощь пропагандистской машины. Так, многие корреспонденты власти даже восстания против продразверстки в годы Гражданской войны или сопротивление коллективизации в период «ликвидации кулаков как класса» объясняли не выступлениями против аграрной политики партии, а протестом против действий конкретных низовых исполнителей (высшая же власть, напротив, «борется с перегибами»)¹⁶.

3. В свою очередь, население пыталось в своих интересах эксплуатировать асимметрию информации, порожденную «информационной слепотой» советской управленческой машины, пользуясь слабым знанием власти о положении дел на местах. Письма показывают, что граждане в самых разнообразных формах старались манипулировать властью, стремясь решить тот или иной вопрос в свою пользу. К наиболее часто встречающейся форме манипуляции относилась ложная саморепрезентация и использование ложных идентичностей, то, что Шейла Фицпатрик называет «сознательное сотворение желательной классовой идентичности»¹⁷. Поскольку, по словам Фицпатрик, «советские граждане в 1920-е и 1930-е гг. привыкли рассказывать историю своей жизни публично»¹⁸, в письмах нередко проявлялось стремление позиционировать себя в качестве социально-приемлемого индивида, в ряде случаев усиливая и при-

---

¹⁵ Лившин А.Я. Эффективность реквизиционной и налоговой политики в 1917–1927 годах в письмах во власть // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2020. Вып. 3 (50). С. 8.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 56. Д. 6. Л. 85; Оп. 96. Д. 760. Л. 4–4об., 8–8 об., 10–10об. Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции ... С. 111–114.

¹⁷ Фицпатрик Ш. Срывайте маски: Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011. С. 82.

¹⁸ Там же. С. 109.

давая художественную окраску своей саморепрезентации, конструируя идентичность настоящего советского гражданина. Разумеется, самым главным было отмежеваться от роли «классового врага», представить себя в качестве «честного труженика-бедняка», «искреннего сторонника советской власти», «борца с классово-чуждыми элементами» и т.д. Для корреспондента власти цель, как правило, состояла в решении какого-либо административного, юридического вопроса в свою пользу, т.е. в пользу максимально лояльного советской власти гражданина и патриота. Должностные лица, согласно бюрократическим инструкциям, обязаны были рассмотреть заявление гражданина и принять по нему решение. Использование асимметрии информации рядовыми гражданами, обратившимися с письмом (заявлением, жалобой) во власть, предполагало, что решение будет принято в их пользу.

Особую роль в качестве инструмента манипуляции, разумеется, играли доносы — «жанр публичной эпистолярной коммуникации»¹⁹. Государство само поощряло доносы на должностных лиц, стремясь, в условиях «информационной слепоты», сохранять контроль над чиновничьим аппаратом; для граждан же это могло послужить важным инструментом самозащиты и отстаивания своих прав перед лицом всепоглощающего властно-бюрократического произвола. Имелся и еще один важный мотив написания доноса: по словам Франсуа-Ксавье Нерара, «система, порождающая насилие, неизбежно привлекает не слишком щепетильных мужчин и женщин, находящихся с ее помощью возможность свести счеты, отделаться от соперника или неудобного человека»²⁰. Анализ всех приемов использования населением асимметрии информации в своих интересах ставит под сомнение прямолинейное понимание тезиса о тотальном бессилии рядового индивида в советском социально-политическом пространстве того времени. Это умозаключение приводит нас к следующему концепту неоинституционализма — склонности субъектов к оппортунистическому поведению.

Склонность субъектов к оппортунистическому поведению

Обычно понятие оппортунизма субъектов применяется в контексте анализа экономических процессов, однако на это явление следует смотреть гораздо шире, рассматривая, в том числе, и отношения в политике, в системе государственного управления в целом,

---

¹⁹ Там же. С. 187.

²⁰ Нерар Ф.-К. Пять процентов правды. Разоблачение и доносительство в сталинском СССР. М., 2011. С. 292.

и на микроуровне — отношения в трудовых коллективах и проч. Как отмечают Л.А. Тутов и О.И. Лозина, «во второй трети XX века современное понимание оппортунизма было введено О. Уильямсом в качестве поведенческой предпосылки экономического анализа и закрепилось в рамках новой институциональной экономической теории. Оппортунизм — это “следование своим интересам, в том числе обманным путем, включая сюда такие явные формы обмана, как ложь, воровство, мошенничество, но едва ли ограничиваясь ими”»²¹. В широком смысле, оппортунизм представляет собой недобросовестное, с точки зрения одной из сторон в социальном взаимодействии, поведение, наносящее ей (этой стороне) ущерб. При этом мы исходим из понимания, что интересы контрагентов расходятся в значительной степени или полностью противоречат друг другу. Поскольку интересы управляющих элит и простых граждан, как и интересы различных групп внутри элиты, далеки от совпадения, оппортунистическое поведение представляется неизбежным, а выбор субъекта в его пользу, в случае относительно незначительных рисков, — психологически оправданным.

В частности, в письмах «во власть», как уже отмечалось, ярко проявлялось негативное отношение граждан к одному из распространенных типов оппортунистического поведения внутри советской управленческой системы — оппортунизму местных и низовых номенклатурных деятелей, саботирующих «правильную» в целом партийную политику.

«Оппортунизму исполнителей» уделил большое внимание в книге «Политическая экономия сталинизма» американский экономический историк Пол Грегори, обосновывая концепцию «иерархической диктатуры» (nested dictatorship)²². «Иерархическая диктатура — это главное следствие делегирования полномочий, различия в целях и неравномерного распределения информации между начальством и подчиненными. Каждый начальник сталкивался с нежеланием подчиненных сотрудничать и с лживостью подчиненных, от которых можно было добиться положительных результатов лишь силой... Каждому диктатору требовались мини-диктаторы, которые бы подчинялись ему и могли бы применить силу для того, чтобы добиться выполнения инструкций на более низких уровнях», — так объясняет П. Грегори суть советской модели управления в сталинскую эпоху²³.

---

²¹ Тутов Л.А., Лозина О.И. Оппортунистическое поведение человека в современной экономике: междисциплинарный подход // Государственное управление. Электронный вестник. Вып. № 74. Июнь 2019. С. 257.

²² Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2006. С. 338–343.

²³ Там же. С. 340.

К проблеме оппортунизма субъектов тесно примыкает еще одно важное положение неоинституционализма — проблема принципал-агентских отношений. Изначально в советской концепции организации власти революционные классы (пролетариат и трудовое крестьянство) выступают принципалами, однако идея диктатуры пролетариата, необходимость добиться победы в Гражданской войне и обеспечить приоритет задачи борьбы с контрреволюцией приводят к тому, что принципал — народные массы — «вынужденно» и на «переходный период» делегировали свои права агенту — пролетарскому государству. Таким образом, принципалом стало социалистическое государство и его авангард — коммунистическая партия, а трудовое население трансформировалось в агента. Государство, в силу специфики его политической организации (наличия «партии-государства»), по мере его становления, стремилось к всеохватывающей власти, к демонтажу социальных компромиссов.

Особенно ярко это проявилось в процессе слома нэпа, который сам по себе являлся моделью, в основе функционирования которой лежали многочисленные компромиссы, — между городом и деревней, коммунистической партией и «специалистами», средним и зажиточным крестьянством, нэпманами и проч. Ответом общества на слом системы компромиссов стало широкое распространение оппортунистического поведения — явное и скрытое отправление религиозных обрядов, сокрытие имущества и доходов от налогообложения, нарушение предписанных норм поведения, низкая трудовая дисциплина, прямое сопротивление насильственным действиям власти и т.д. Оппортунизм (как злонамеренный, так и незлонамеренный) в советской системе отношений господства и подчинения проявлялся повсеместно, а граждане фиксировали в письмах его проявления, либо сами проявляли оппортунизм в содержании и дискурсивном строе обращения «во власть». В письмах самым широким образом представлены жалобы представителей городского и сельского населения — «агента» — на несправедливость политических, правовых, гражданских и экономических притеснений со стороны «принципала» — коммунистического режима и его чиновничества²⁴. Многие из протестных писем писались тогда, когда в стране уже развертывалась коллективизация; они, таким образом, демонстрируют достаточно радикальное выражение оппортунистической позиции по отношению к центральной политической линии государства.

К концу 1920-х гг. власть в СССР обрела легитимность, что явилось итогом сложного, достаточно длительного и нелинейного процесса формирования в массовом сознании представлений о том, что

---

²⁴ ГА РФ. Ф. Г-5446. Оп. 89. Д. 16. Л. 231–231об.

коммунистическое государство не выпадает из исторических традиций управления, присущих России, при этом способ формирования правящих структур, язык и ритуалы власти стали приемлемы для большинства населения. Признание власти легитимной не означало, что население во всем соглашалось с ней, как не означало безоговорочного и безропотного следования всем властным предписаниям. Анализ писем позволяет согласиться с известным исследователем Н.Н. Козловой, что «масса не может быть приручена на все сто процентов»²⁵. Государство, ломая нэп и переходя к политике «большого скачка», игнорировало большинство интересов граждан, в ответ граждане в разных формах проявляли оппортунистическое поведение. Что касается образа советского чиновничества на всем протяжении описываемого периода, то в письмах лейтмотивом звучало осуждение номенклатурного элитизма, коммунистического чванства, пренебрежения правами и интересами граждан²⁶. Если рассматривать эти общественные настроения сквозь призму исторического институционализма, то можно вновь обратиться к концепции инклюзивных и экстрактивных институтов Аджемоглу и Робинсона. Одной из их центральных идей является утверждение, что инклюзивные институты (состояние «обузданного Левиафана») создаются путем ограничения элит со стороны общества²⁷. Хотя в обществе были широко распространены настроения в поддержку инклюзивного характера советского институционального строительства, власть в целом двигалась в противоположном направлении.

Таким образом, письма «во власть» подтверждают наличие в период 1917 — начала 1930-х гг. общественных настроений, которые можно интерпретировать с применением неинституционального подхода. В первую очередь, это относится к оценке деятельности советского чиновничества, его профессиональных качеств и морального облика. Письма, являясь инструментом диалогической коммуникации власти и общества, а также важным информационным ресурсом для управления страной, одновременно рисуют многоплановую картину институциональной специфики советской системы.

References

Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. *Instituty kak fundamental'naya prichina dolgosrochnogo ekonomicheskogo rosta* [Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Economic Growth] // ECOVEST. 2006. N 5/1. P. 4–43.

²⁵ Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи. М., 1996. С. 87.

²⁶ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 62. Д. 1. Л. 176; Оп. 84. Д. 9. Л. 396–399; Оп. 98. Д. 3. Л. 486.

²⁷ См.: Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Узкий коридор. С. 69–117.

Acemoglu D., Robinson J.A. *Pochemu odni strany bogatyye, a drugiye bednyye. Proiskhozhdeniye vlasti, protsvetaniya i nishchety* [Why are Some Countries Rich and Others Poor? The Origin of Power, Prosperity and Poverty]. Moscow: AST, 2015. 575 p.

Acemoglu D., Robinson J.A. *Uzkiy koridor* [The Narrow Corridor]. Moscow: AST, 2021. 704 p.

Fitzpatrick S. *Sryvayte maski: identichnost' i samozvanstvo v Rossii XX veka* [Tear off the Masks: Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia]. Moscow: ROSSPEN; Fond "Prezidentskiy tsentr B.N. Yel'tsina", 2011. 375 p.

Gregory P. *Politicheskaya ekonomiya stalinizma* [The Political Economy of Stalinism]. Moscow: ROSSPEN, 2006. 400 p.

Immergut E.M. The Theoretical Core of the New Institutionalism // *Politics & Society*. Vol. 26. N 1. March 1998. P. 5–34.

Kirchik O.I. *Ekonomika konventsiy: kak i dlya chego vernut' istoriyu v ekonomicheskiy analiz?* [Economics of Conventions: How and Why Bring the History Back in to Economic Analysis?] // *Klio v zazerkal'ye: istoricheskiy argument v gumanitarnoy i sotsial'noy teorii: kollektivnaya monografiya* [Clio Through the Looking-Glass: A Historical Argument in Humanitarian and Social Theory: Collective Monograph]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2021. P. 367–386.

Kozlova N.N. *Gorizonty povsednevnosti sovetskoy epokhi* [Horizons of Everyday Life of the Soviet Era]. Moscow: IFRAN, 1996. 216 p.

Levada Yu.A. *Kul'turnyy kontekst ekonomicheskogo deystviya* [Cultural Context of Economic Action] // Levada Yu.A. *Vremya peremen: predmet i pozitsiya issledovatelya* [Time of Change: Subject and Position of the Researcher]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2016. 872 p.

Livshin A.Ya. *Effektivnost' rekvizitsionnoy i nalogovoy politiki v 1917–1927 godakh v pis'makh vo vlast'* [The Efficiency of Requisition and Taxation Policy in 1917–1927 in Letters to the Authorities] // *Vestnik Permskogo universiteta*. Series: History. 2020. Issue 3 (50). P. 5–17.

Livshin A.Ya. *Nastroyeniya i politicheskiye emotsii v Sovetskoy Rossii: 1917–1932 gg.* [Sentiment and Political Emotions in Soviet Russia: 1917–1932]. Moscow: ROSSPEN, 2010. 344 p.

Nerard F.-X. *Pyat' protsentov pravdy. Razoblachenkiye i donositel'stvo v stalinskom SSSR* [Five Percent Truth. Exposure and Denunciation in the Stalinist USSR]. Moscow: ROSSPEN; Fond "Prezidentskiy tsentr B.N. Yel'tsina", 2011. 398 p.

Savelyeva I.M. *Popytka istorizatsii istoricheskoy sotsiologii* [An Attempt to Historicize Historical Sociology] // *Klio v zazerkal'ye: istoricheskiy argument v gumanitarnoy i sotsial'noy teorii: kollektivnaya monografiya* [Clio Through the Looking-Glass: A Historical Argument in Humanitarian and Social Theory: Collective Monograph]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2021. P. 330–366.

Tutov L.A., Lozina O.I. *Opportunisticheskoye povedeniye cheloveka v sovremennoy ekonomike: mezhdistsiplinarnyy podkhod* [Opportunistic Behavior in Modern Economy: Interdisciplinary Approach] // *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. Issue 74. June 2019. P. 255–272.

Поступила в редакцию
30 ноября 2021 г.